

DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00001

УДК 392.86(470.2)

**ФЕНОМЕН ПЬЯНСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные проблемы распространения алкоголизма и его воздействия на повседневную жизнь населения Европейского Севера России в XIX – начале XX века. Доминирующей тенденцией в трансформациях роли алкоголя в существовании социума стало постепенное внедрение спиртных напитков в повседневность. Сакральная роль опьяняющих жидкостей постепенно отходила на второй план, а в дальнейшем оказалась полностью утраченной. Воздействие урбанизации, а также распространение городских норм поведения в сельской местности привели к значительному ускорению указанного процесса.

Ключевые слова: повседневность, сакрализация, крестьянство, алкоголизм, урбанизация, традиции, нормы, пьянство.

**THE PHENOMENON OF ALCOHOLISM
IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES:
PROBLEMS OF COMPREHENSION (ON MATERIALS OF THE
EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)**

Pulkin M.V.

The article reviews the main problems of the distribution of alcoholism and its impact on everyday life in the 19th and early 20th centuries. The dominant trend in the transformation of the role of alcohol in the existence of the society and the individual was the gradual introduction of alcohol into everyday life. The sacred role of absorbing liquids gradually receded into the background and later it was completely lost. The impact of urbanization as well as the spread of urban norms of behavior in rural areas led to a significant acceleration of this process.

Keywords: everyday life, sacralization, peasantry, alcoholism, urbanization, traditions, norms, drunkenness.

Статья подготовлена в рамках темы «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

Проблема алкоголизма, неизменно сохраняя свою актуальность в российской истории и современной жизни, остается малоизученным аспектом повседневности. До настоящего времени не исследована география распространения пьянства. Не поддаются точному учету масштабы торговли спиртным. Далек не в полной мере отражены в исторических трудах традиции и обычаи, связанные с употреблением алкоголя. Поэтому достаточно легко наметить перспективы исследований. Важным элементом всестороннего рассмотрения проблемы могут стать *этнические аспекты пьянства*. Неотъемлемая составная часть исследований пьянства — *сочетание алкоголизма с иными видами девиантного и «нормального» поведения*: пьянство во время праздников и в каждодневной жизни, преступления и добрые дела, творимые в состоянии опьянения.

С одной стороны, с алкоголем связаны конфликты и примирения, а также метаморфозы личности, источником которых становилось отсутствие или наличие спиртного. Например, исследователи обращают внимание на явное сочетание распространения пьянства с ростом числа самоубийств [3, с. 45]. С другой стороны, эмоциональные нарушения ведут личность к специфическим *психосоматическим проявлениям*: алкоголизму и наркомании, различным формам депрессии, психоневрозам, психозам. Нельзя не обратиться к различным сочетаниям индивидуально-личностного и коллективного начал в употреблении спиртных напитков. *Алкоголизм всегда оставался стилем жизни, целостным явлением, нуждающимся в комплексном изучении*. Существенным моментом исследований могут конкретные формы проявления в повседневной

жизни различных стадий опьянения. Они качественно различаются между собой и последовательно, предсказуемо ведут индивида от эйфории к депрессии.

Обращаясь к данной проблеме, приходится констатировать, что серьезная историографическая традиция изучения пьянства в современной России отсутствует. Имеющиеся труды рисуют трагическую и загадочную картину автоагрессии огромных коллективов людей на протяжении необозримо-длительного исторического периода. В начале XX в. русскими врачами и социологами проведено несколько прикладных исследований алкоголизма в России. Пресса говорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса». В научном мире вещали о негативных последствиях пьянства, колоссальном ущербе, который приносит алкоголь [5, с. 114]. Все это существенно повлияло на возможности исследователей: объективные научные изыскания подменялись продиктованной обществом обязанностью неустанно обличать торговцев алкоголем и пьяниц.

Другим ограничителем возможностей ученых становится специфика источников. В наибольшей степени в документах освещены негативные стороны пьянства. Положительные моменты, межличностное сближение в результате застолья с алкоголем, создание праздничного настроения, формирование и поддержание традиций праздников, временный уход от мрачной действительности и иные существенные позитивные факторы, связанные со спиртными напитками, остаются за рамками научных интересов. Чаще всего за рамками исследований остаются неутомимые, рациональные и трезвые труженики на щедрой ниве алкоголизма: продавцы и производители спиртного, являющиеся косвенными виновниками поступков, осуществляемых в состоянии опьянения, но действующие вполне разумно, удовлетворяя реально существующий спрос на алкоголь.

Существующая статистика потребления спиртного по губерниям показывает, что Олонецкая губерния, наряду с Дагестанской, Уральской,

Люблинской, Ковенской, Виленской, Терской, Витебской, Могилевской, Вятской, Уфимской, Псковской, Вологодской и другими губерниями относилась к числу территорий «с малым душевым потреблением водки», составлявшим «от 0,10 до 0,50 ведра за 10 лет в среднем». Несколько больше спиртного (от 0,51 до 0,70 ведра) приходилось на душу населения в Воронежской, Курляндской, Самарской, Тамбовской, Рязанской и других центральных губерниях Российской империи. Примечательно, что соседняя Архангельская губерния, наряду с Владимирской, Ярославской, Кубанской, Тульской, Московской и Петроградской губерниями по данным статистики оказалась в числе территорий «с высоким душевым потреблением водки»: здесь выпивали от 0,71 ведра и более [3, с. 48].

Несколько по-иному виделась проблема алкоголизма современным этнографам, сумевшим разглядеть обрядовую подоплеку употребления спиртного. Так, по мнению Ю.Ю. Сурхаско, изучившего карельские материалы, коллективное употребление алкоголя маркировало наиболее значимые элементы свадебного обряда. Совместное распитие спиртного способствовало единению семейств и формированию новых родственных связей [10, с. 128]. Исключительное большое внимание проблеме пьянства уделили в своем фундаментальном труде о праздничной культуре И.А. Морозов и И.С. Слепцова. Они подчеркивают мысль о том, что в северорусской праздничной культуре употребление алкоголя являлось неотъемлемым компонентом, способом создания настроения праздника [6, с. 26, 47, 93]. В некоторых случаях во время праздников имело место имитирование поведения пьяницы с ритуальными целями. На общероссийском уровне проблемы истории алкоголизма рассматривались крайне недостаточно по сравнению со злободневностью и насущной значимостью вопроса о масштабах и традициях употребления спиртного. В недавнее время ситуация начала меняться кардинальным образом. Появляются компактные исследования, в которых проблемы алкоголизма рассматриваются с позиций психологов [13] и социологов [14].

Народное восприятие проблем пьянства, в отличие от научной трактовки этой животрепещущей проблемы, отличается сложностью, многоаспектностью и, в конце концов, большей адекватностью и трезвостью. Обобщенный в пословицах народный жизненный опыт указывает на адаптивные возможности, социализацию индивида, связанную с употреблением спиртных напитков, поиск и успешное обретение искренних друзей: «Людей повидать, в кабаках побывать», «Где кабачок, там и мой дружок», «Где вино, тут и праздничек». В сложных ситуациях вино спасает от психологических травм, а в радости – позволяет полнее прочувствовать позитивные эмоции: «На радости выпить, а горе запить», «Пить – горе, а не пить – вдвое». С употреблением спиртного связывалась возможность получить эрзац-удовлетворение, "урвать" немного радостей в скоротечной жизни: «Выпьем по полной, век наш недолгой», «Не пить, так и на свете не жить», «У наших бражников много праздников». Отсутствие алкоголя расценивалось как аналог тяжкого, калечащего, угрожающего жизни наказания: «Бесхмельное питье – дубинное битье».

В алкоголе, по народным представлениям, заключался нравственно-этический потенциал. Вино рассматривалось как своего рода эликсир правдивости, дающий возможность активно искать, найти правду, а затем свободно высказать ее. С одной стороны, известно, что «Без вина правду не скажешь», «Чего трезвый не скажет, то пьяный развяжет», а с другой – «Вся правда в вине». Алкоголь расценивался народным сознанием как мощное средство обретения храбрости и силы, пусть даже мнимой и быстро иссякающей: «Вино пей, жену бей, ничего не бойся!». Пьянство явным образом приближало человека к Богу: «Пьяный хоть в тумане, а все видит Бога», «Пьяного да малого Бог бережет», «Пьяный Тит псалмы твердит». Особенно ценились в народе те поклонники спиртного, которые умудрялись сохранять самоконтроль во время пьянки: «Пьяный да умный – человек думный», «Пьян да умен – два угодыя в нем» [8, 254-256].

Употребление спиртных напитков сопровождало человека по жизни, становилось неизменной привычкой. У многих возникало ощущение

стабильности в приобщении к алкоголю, знакомому с малолетства. Опыение обретало особый сакральный смысл: «В кабаке родился, в вине крестился». Известно, что «религиозные культы и обряды сыграли немаловажную роль в распространении вина в мире». Карельский фольклор напрямую связывает употребление спиртного с гостеприимством, особым статусом гостя. Поэтому лишение выпивки, отсутствие угощения рассматривалось как явное нарушение традиции: «Видно, что я гость немилый, раз мне пива не подносят ...» [2, с. 236]. В народном сознании алкоголь с его способностью изменять восприятие окружающего мира или даже продуцировать галлюцинации обретает признаки средства, позволяющего покинуть серые будни и переместиться в трансцендентный мир, наполненный искренними людьми, храбрыми и ценящими дружбу, напрямую общающимися с божеством, всегда говорящими правду. Неспроста по-латыни «алкоголь» – *spiritus* т.е. «дух». Следовательно, возвышенный религиозный опыт и алкоголь называются одинаково. В современной литературе имеются сходные утверждения, связанные с духовным преображением: «В основе феномена пьянства лежит, помимо прочего, потребность человека в периодической коррекции психофункционального состояния» [11, с. 23].

Тщательное исследование противоречивого мира пьянства приводит к открытию новых странных ситуаций и явных противоречий. На ум приходит эйфория пьянства и жесткие реалии похмелья, дружелюбная компания любителей крепких напитков и кровавые драмы пьяных драк. В переводе на язык науки подмеченные антиномии не теряют привлекательности. Наиболее заметными из них являются противоречия, связанные с социализацией и проявлениями индивидуализма. В состоянии опьянения скрытое, неосознаваемое желание быть признанным, уважаемым, становится явным для самого индивида и небезопасным для окружающих, поскольку может принять агрессивные формы. Отказ от публичного употребления спиртного расценивается как проявление ненормальности, физического или нравственного нездоровья, презрения к коллективным этическим нормам,

принадлежности к иной этнической культуре и в любом из перечисленных случаев сурово осуждается: «Не допиваешь, так недолюбливаешь».

В русской культуре «совместное питье являлось не только условием гостеприимства, но вообще сколько-нибудь нормального общения» [11, с. 321]. Как правило, присутствие в составе пьющей компании одного-двух трезвых людей воспринимается как нарушение важного ритуала, участники которого стремятся либо напоить их, либо вовсе удалить. Поэтому часто приходится констатировать, что корректнее говорить не о влиянии спиртного на психические процессы, а о воздействии *всего ритуала* употребления алкоголя на восприятие окружающего мира. Отсюда проистекает еще одно существенное противоречие, связанное с деструктивными и конструктивными элементами поведения любителей алкоголя. С одной стороны, жизненный опыт подсказывает, что достижение согласия, консенсуса нередко становится возможным, или, во всяком случае, происходит быстрее всего после совместных возлияний, а сам факт трапезы с алкоголем становится своего рода преддверием знакомства, примирения, общественного согласия (поневоле вспоминается старая шутка про спаянный и «споенный» коллектив). Известно, что «в традиционном обиходе застолье рассматривалось как совместное действие, влиявшее на благосостояние и судьбу всех членов коллектива» [6, с. 382].

Современные люди не избежали влияния этой устоявшейся нормы поведения. Сходные представления, стабильно поддерживаемые постоянными возлияниями, успешно дожили до наших дней. Но, с другой стороны, агрессивность издавна сопутствует употреблению спиртного: «алкогольный транс являлся условием соревнования за честь и славу, которое известно еще по былинному пиру богатырей» [6, с. 328]. Множество сообщений из криминальной хроники в наши дни и в прошлом начинаются словами: «После совместного распития спиртных напитков ...». Иногда спонтанные действия пьяных вызвали удивление современников и с трудом воспринимаются и в наши дни. Возникает мысль о том, что *момент принятия алкоголя становился*

отправной точкой в превращении индивида в собственную противоположность или, возможно и более вероятно, спиртное дает простор для реализации скрытых до времени потаенных желаний.

В алкоголе заключен скрытый, «биохимический» призыв к динамике, энергичным действиям, достижению величия и доминирования и даже к проникновению в миры, населенные сверхъестественными существами. В древней культуре «одной из причин <...> наркотизации и других способов приведения человека в болезненную экзальтацию было желание доставить пациенту зрелище призрачных существ, от которых он иногда ожидал высшего познания или даже мирской власти» [12, с. 49]. Фольклорные материалы подтверждают это точное обобщение. Так, судя по записям быличек, один пастух получил от своего предшественника чудесное «наследство»: «скот приходил сам домой, как будто кто его собирал». Однажды пастух «напился пьян» и решил узнать о своих чудесных помощниках. «Пошел в лес, дошел до того места, где коровы едят траву, потрубил. Смотрит: бежит женка оборванная, ободранная». Увидев пастуха, она «бросила вицу: "На, – говорит, – паси сам, я сколько годов пасла". Это была лешачиха» [4, с. 393].

В моменты пьянства телесная сторона человеческой личности временно маскируется, становится менее заметной: исчезает усталость, появляется готовность к невиданному в трезвом состоянии сверхнапряжению сил. Но в дальнейшем приходит расплата. Тело решительно напоминает о себе похмельем и связанными с ним физиологическими явлениями. Когда в современной психотерапевтической группе обсуждают алкоголизм, для большинства алкоголиков интересно не пьянство, а их последующие страдания. Исторические свидетельства говорят об этой же суровой проблеме. Так по данным начала XX в. в Олонецкой губернии во время праздников «молодые девушки не пьют <...> надо угощать гостей». Зато в первое воскресенье после праздника «девицы возьмут свое: иная так "налижется", что побледнеет вся, как береста, и где-либо на задворках исправно очищает свой переполненный желудок» [9, с. 3].

Направление потока льющегося спиртного точно указывает то движение по социальной лестнице, которое в громадном множестве случаев сопровождает неумеренное увлечение алкоголем. Однако здесь вновь проявляются противоречия. Они связаны с социальным статусом личности, активно употребляющей алкоголь. Регулярное употребление алкоголя формирует у индивида ряд негативных и травмирующих переживаний: чувство вины за содеянное, неприглядный внешний вид, агрессивное поведение, экономический ущерб для семьи, иные тяжелые последствия алкоголизации. Но именно употребление алкоголя неразрывно связано с рядом позитивных чувств. Это горделивые рассказы о количествах выпитого, прочное ощущение братства любителей спиртного, заботящихся о взаимном повышении статуса и одаривающих друг друга комплиментами, в которых мотивы совместной пьянки звучат особенно отчетливо. Иногда решения об установлении более высокого жалованья, повышении по службе принимались (и можно предположить, принимаются) во время возлияний и под воздействием спиртного. Современные исследователи обычного права подчеркивают особое значение спиртного при осуществлении правосудия в сельской местности: «Магарыч выступал средством склонить противника к миру, вознаграждением судей за их участие в разбирательстве дела и как наказание провинившимся. <...> Угощение сельского схода вином осуществлялось и при других правовых решениях: установлении опеки, усыновлении, избрании на должность» [1, с. 24].

В употреблении спиртных напитков заключается трагедия множества семей. Она связана с противостоянием мужского и женского начал, обостряющемся под воздействием спиртного. Мужчины пьют больше из-за своей бытовой распушенности («какой же он мужчина, если не пьет»). У женщин же относительно частой причиной алкоголизма является одиночество, неустроенность жизни, потеря близких. В некоторых случаях алкоголь позволял справиться с этой проблемой путем сближения полов, преодоления взаимного недоверия и т.д. Так во время праздников в северных деревнях

«публичная демонстрация опьянения» являлась «своеобразным предложением девушке "приголубить кавалера", предложением, от которого, как правило, считалось неприличным отказаться» [6, с. 195]. В дни праздников, судя по севернорусским материалам, существенной чертой поведения парней «было стремление к пьяному куражу, что, по традиционным представлениям, способствовало повышению их авторитета и "славы"» [6, с. 193], а также поддержанию маскулинных идеалов поведения.

Конкретные факты распространения девиантности и массового употребления алкоголя связаны с духовным противостоянием деревни и города. *Деревенский стиль употребления спиртного, сложившийся на протяжении столетий и в определенной мере сохранявшийся в середине XIX в., предполагал сакральный подтекст. Алкоголь употребляли в отдельные, наиболее значимые моменты праздников, а в профанное время преимущественно имело место табуирование спиртного. С количеством имеющегося пива напрямую связывалась продолжительность празднования, «поскольку пока пиво было не допито, праздник считался незавершенным»* [6, с. 225]. *Праздничное время имеет собственные единицы измерения, своего рода «жидкий эквивалент». Время здесь лимитируется не часами (ход времени в данном случае вообще не имеет особого значения), а балансом имеющегося и употребленного спиртного, окончание запасов которого неизбежно приводит к завершению праздника.*

Особенно обстоятельно современными учеными исследовано употребление спиртного во время свадеб, являющихся одним из важнейших лиминальных периодов в жизни человека и тесно связанных с алкоголем. Устоявшийся в карельских деревнях ритуал подготовки к свадьбе предполагал длительные переговоры семейств жениха и невесты, в случае успеха завершавшиеся приглашением на «винопитие» [10, с. 28]. В дальнейшем «обрядовая роль вина при весьма скромном употреблении спиртных напитков была, тем не менее, существенна». Здесь вновь заявляли о себе гендерные особенности употребления спиртного: «Обычно вином угощали мужчин,

женщинам же подносили безалкогольные напитки или сладости» [10, с. 30]. Прощание невесты с родным домом становилось кратким, но важным моментом, вновь требующим коллективных возлияний. Невеста обходила гостей, собравшихся на свадьбу. Низко кланяясь, она подносила каждому рюмку вина. «Гости, выпив, расплачивались деньгами или какими-нибудь вещами». Свадебные пиршества не обходились без спиртного. Вино гостям подносили сами новобрачные. Чаще всего приглашенные отказывались пить, заявляя, что вино «горькое» или что «соринка попала». Выпить спиртное соглашались «лишь после того, как молодые поцелуются» [10, с. 31].

Пьянство превратилось в своего рода *индикатор праздника*, вытесняя прочие существенные стороны праздничной культуры или наполняя их новым содержанием. Проверенные веками традиции употребления спиртного жестко регламентировали, ограничивали набор ситуаций (наиболее важных, переломных в жизни человека), когда алкоголь дозволялось употреблять. *Городская культура, проникая в село, изменила эту ситуацию раз и навсегда*. Как показывали исследования, проведенные в начале XX в., городское население потребляло больше алкоголя, чем сельское [3, с. 27]. При массовом переходе от традиционного сельского к современному городскому образу жизни вековые ритуалы заметно трансформировались, а связанные с ними стереотипы потребления алкоголя остались и обрели новую почву.

Выдающуюся роль в распространении новых, более свободных норм употребления спиртного сыграли рабочие низкой квалификации, лишённые жизненных перспектив и оторванные от родной земли, всецело поглощенные борьбой за выживание и мало думающие о собственном здоровье. Заметим, что их положение характеризовалось чертами лиминальности, но теперь не обрядовой, а чисто практической. В их жизни разрыв с сельской средой *уже* состоялся, а включение в городскую культуру *еще* не произошло. В данном случае лиминальность явным образом связана с десоциализацией. Перечисленные факторы резко ослабляли контроль над их поведением и в целом выводили их за рамки традиционного жизненного уклада, тесно

связанного с трезвостью. Из сказанного следует, что в глазах жителей деревни беспричинное, не связанное с сакральным временем пьянство выступало в роли своеобразного маркера «своего» и «чужого» поведения, являясь наиболее шокирующим признаком негативного городского влияния. Современник событий, описывая ситуацию в карельских деревнях, подчеркивал этот аспект поведения местных сельских жителей: «Между кореляками редко встречаются пьяницы, тем более воры. Хотя кореляки и невежественны, но ведут трудолюбивую трезвую жизнь» [7, с. 2].

Итак, проведенное исследование показывает, что *магистральной линией развития алкоголизма стала внезапная, произошедшая за короткий период десаκραлизация употребления спиртного*. Этот процесс подхлестывался растущими объемами производства алкоголя, заметным обнищанием населения, а также влиянием города, в котором все перечисленные процессы развивались быстро и наиболее отчетливо. Труднее обнаружить иные аспекты распространения пьянства. В их числе общая закономерность, присущая различным эпохам и связанная с тем, что алкоголизацией маркированы лиминальные ситуации и статусы личности. Традиционная культура (в частности, местные праздники и свадебная обрядность) предполагала ограниченные, связанные с конкретными заранее известными обрядами, проявления пороговых состояний. В дальнейшем с ростом городов и масштабы лиминальности и проявления алкоголизма приобрели пугающие размеры.

Крестьянский коллектив позволял личности расслабиться, удовлетворить не насыщаемую в обыденной жизни потребность в алкоголе только в нечастые, отмеченные сакральным статусом моменты праздников. Модернизированный городской уклад жизни парадоксальным образом позволил реализоваться глубоко архаическим чертам психики, предоставляя им значительно более широкий простор. В качестве подспорья выступала рациональная, хорошо организованная и приносящая существенные прибыли торговля алкоголем. Наиболее типичным пространством для распространения пьянства в рассматриваемый период стала улица. Здесь же происходили основные

события, связанные с опьянением. Вероятнее всего, причиной такого восприятия проблемы становится тот факт, что домашнее, бытовое пьянство не фиксировалось в документах, воспринимаясь как нормальное, обыкновенное, незаслуживающее внимания событие.

Список литературы:

1. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов: Изд-во Тамбовского технического ун-та, 2012. 124 с.
2. Карело-финский народный эпос. В двух книгах. Кн. 2. М Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 510 с.
3. Коровин А.М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 год. М., 1916. 128 с.
4. Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 632 с.
5. Михайлов И.В. Алкоголизм и разврат. М., 1900. 238 с.
6. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX в.). М.: Изд-во «Индрик», 2004. 920 с.
7. Петров Н. Деревня Улялега (Этнографический очерк) // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 102. С. 2-3.
8. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 982 с.
9. Роев В.И. Из учительских воспоминаний // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 3. С. 22-23.
10. Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX века). Л.: Наука, 1977. 238 с.
11. Такала И.Р. «Веселие Руси». История алкогольной проблемы в России. СПб.: Изд-во «Журнал "Нева"», 2002. 336 с.
12. Тэйлор Э. Первобытная культура. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с.

13. Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 184 с.

14. Шереш Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986. № 2. С. 23-45.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.